

Агата Кристи

Убийство на поле для гольфа

Глава 1

Попутчица

Есть один старый анекдот о молодом писателе, который, желая привлечь внимание редакторов, начал свой рассказ оригинальной фразой: «Черт побери!» — вскричала герцогиня».

Как ни странно, мой рассказ начинается так же. Только дама, произнесшая эту фразу, не была герцогиней!

Шли первые дни июля. Я закончил дела в Париже и возвращался утренним поездом в Лондон, где проживал в одной квартире с моим старым другом, бывшим бельгийским детективом, Эркюлем Пуаро.

«Кале-экспресс» был необычно пуст — фактически со мной в купе находился еще только один пассажир. Мой отъезд из отеля был несколько поспешным, и я занимался проверкой вещей, когда поезд тронулся. До этого момента я лишь мельком заметил свою попутчицу, но она внезапно напомнила о своем существовании самым неожиданным образом. Вскочив с места, она опустила оконную раму и высунула голову наружу, но тут же убрала, громко воскликнув: «Черт побери!»

Ну, мои взгляды старомодны. Я считаю, что женщина должна быть женственной. У меня не хватает терпения смотреть на современных неврастеничных девиц, которые танцуют с утра до вечера, курят, как паровозные трубы, и употребляют слова, которые заставили бы покраснеть торговку рыбой из Биллингсгейта!

Слегка нахмурясь, я поднял глаза на хорошенькое, задорное личико, над которым красовалась щегольская красная шляпка, выбивались длинные черные локоны. Я подумал, что ей немногим больше семнадцати лет.

Она встретила мой взгляд нисколько не смутившись и сделала

выразительную гримасу.

— Боже мой, добрый господин возмущен нашим поведением! — произнесла она, обращаясь как бы к публике. — Я прошу извинения за свои выражения! Это, конечно, неженственно, но, честное слово, у меня есть достаточно причин для этого! Знаете ли вы, что я разминулась со своей единственной сестрой?

— Неужели? — ответил я вежливо. — Какое несчастье!

— Он осуждает! — воскликнула девица. — Он осуждает и мою сестру, что совершенно несправедливо, так как он даже не видел ее!

Я открыл было рот, но она опередила меня.

— Ничего больше не говорите! Меня никто не любит! Я удаляюсь в леса и буду питаться червями! Я убита!

Она спряталась за большим журналом французских комиксов. Через минуту-две я заметил ее глаза, которые потихоньку рассматривали меня поверх журнала. Я невольно улыбнулся. Она тут же отбросила журнал и весело рассмеялась.

— Я знала, что вы не такой уж болван, каким кажетесь, — произнесла она.

Ее смех был таким заразительным, что я не мог не рассмеяться сам, хотя мне едва ли могло понравиться слово «болван». Поведение девушки безусловно было как раз таким, которого я терпеть не мог, но это не значило, что я должен был представлять себя в смешном свете. Я решил проявлять снисходительность. В конце концов, она действительно была хорошенькой!

— Ну вот! Теперь мы друзья! — объявила шалунья. — Признайтесь, что вы сожалеете об отсутствии моей сестры.

— Я в отчаянии...

— Вот какой вы паинька! — перебила попутчица.

— Дайте мне договорить. Я хотел добавить, что, несмотря на отчаяние, я

вполне могу примириться с ее отсутствием, — и я слегка поклонился.

Самая непостижимая из всех девиц нахмурилась.

— Прекратите. Я предпочитаю открытое неодобрение. Ведь ваше лицо говорит: «Она не нашего круга». И тут-то вы правы, хотя, учтите, в наши дни это довольно трудно определить. Не всякий сможет отличить сейчас даму полусвета от герцогини. Ну вот, мне кажется, я опять вас шокирую! Вас, наверное, раскопали в какой-нибудь глуши? Мне-то все равно, но обществу еще могут пригодиться несколько таких, как вы. Я просто ненавижу нахалов. Они меня выводят из себя.

Она выразительно потрясла головой.

— Как же вы выглядите, когда сердитесь? — спросил я, улыбаясь.

— Нормальным чертенком! Мне становится все равно, что я говорю или делаю! Я однажды чуть не убила парня! Ей-богу. Но он заслужил, между прочим. Во мне итальянская кровь. Я когда-нибудь попаду в беду из-за этого.

— Ну, тогда уж не сердитесь хоть на меня, — произнес я умоляюще.

— Не буду. Вы мне нравитесь, понравились сразу, как я увидела вас. Но вы смотрели так осуждающе, что я никак не могла предположить, что мы подружимся.

— Считайте, что мы подружились. Расскажите о себе.

— Я актриса. Нет, не такая, как вы думаете — завтраки в отеле «Савой», усыпана драгоценностями, фото в каждой газете с указанием, какой крем предпочитаю для лица. Я кувыркаюсь на подмостках с шести лет.

— Простите, как это? — спросил я удивленно.

— Разве вы не видели детей-акробатов?

— О, теперь понимаю.

— Я родилась в Америке, но большую часть жизни провела в Англии. У

нас сейчас новый номер.

— У кого?

— У моей сестры и у меня. Номер состоит из пения, танцев и акробатики. Он производит впечатление. Мы надеемся подзаработать.

Моя новая знакомая наклонилась вперед и принялась пространно объяснять свой номер. При этом большинство употребляемых ею терминов было для меня совершенно непонятно. И все же я почувствовал, что она мне интересна. Она казалась и ребенком, и женщиной. Хотя, по ее словам, она была стреляный воробей и могла постоять за себя, все же было что-то наивно-бесхитростное в ее одностороннем подходе к жизни и чистосердечном намерении «выбиться в люди». Ее вожденный взгляд в будущее не был лишен очарования, и мне приятно было видеть ее миловидное личико, разгоряченное рассказом.

Мы проехали Амьен. Это название невольно пробудило во мне воспоминания. Моя попутчица, казалось, интуитивно поняла, о чем я задумался.

— Вы думаете о войне?

Я кивнул.

— Я полагаю, вы воевали?

— Да. Был ранен и получил инвалидность, потом кое-что делал для армии, А сейчас я нечто вроде личного секретаря у одного члена парламента.

— Ой! Это, наверное, очень ответственная работа?

— Совсем нет. Фактически делать почти нечего. Обычно я управляюсь со всеми делами за пару часов. Работа эта даже скучная. Честно говоря, я не знаю, что бы стал делать, если бы у меня не было хобби.

— Не признавайтесь, если вы собираете жуков!

— Нет. У меня очень интересный товарищ, с которым я живу в одной квартире. Он бельгиец, работает в Лондоне как частный детектив, и дела

его идут необыкновенно успешно. Он на самом деле замечательный человек. Вновь и вновь он одерживает победу там, где официальные чины полиции терпят неудачу.

Моя попутчица слушала, широко раскрыв глаза.

— Как же это интересно, правда? Я обожаю преступления. Я смотрю все детективные фильмы. А когда бывает сообщение об убийстве, я просто проглатываю газеты.

— Вы помните дело об убийстве в поместье Стайлз? — спросил я.

— Дайте мне подумать... Это про старую даму, которую отравили? Где-то в Эссексе?

Я кивнул.

— Это было первое крупное дело Пуаро, Несомненно, если бы не он, убийца остался бы безнаказанным. Это была замечательная работа по расследованию.

Я коротко обрисовал дело, закончив его описанием победной и неожиданной развязки. Девушка слушала, как зачарованная. Фактически мы были так поглощены разговором, что не заметили, как поезд прибыл в Кале.

— Боже мой! — воскликнула спутница. — Где моя пудреница?

Девушка принялась щедро пудриться, потом намазала губы помадой, обозревая полученный эффект в маленькое зеркальце. Она одобрительно улыбнулась и убрала его вместе с карманным несессером в сумочку.

— Теперь лучше! Следить за своей наружностью — такая волынка! Но если девушка себя уважает, она не должна распускаться.

Я подозвал двоих носильщиков, и мы вышли на перрон. Спутница протянула мне руку.

— Прощайте, я обещаю, что буду следить за своими выражениями в будущем.

— Но разве вы не позволите мне помочь вам сесть на пароход?

— Может быть, мне не надо будет садиться на пароход. Я должна сначала найти свою сестру. Но я благодарна вам все равно.

— И все же мы должны снова встретиться, не правда ли? Я... — я заколебался. — Я хочу познакомиться с вашей сестрой.

Мы оба рассмеялись.

— Мило с вашей стороны. Я передам ей это. Но, мне кажется, нам не стоит встречаться, хоть вы и хорошо отнеслись ко мне во время нашей поездки, несмотря на то, что я нагрубила вам. Но то, что было написано на вашем лице в самом начале, абсолютно верно. Я не вашего поля ягода. А это приводит к беде, я-то достаточно хорошо это знаю.

Ее лицо изменилось. На мгновение вся беспечная веселость исчезла с него. Оно стало взрослым.

— Итак, прощайте, — заключила она более мягким тоном.

— Неужели вы даже не скажете мне свое имя? — вскричал я, когда она повернулась, чтобы уйти.

Девушка оглянулась через плечо. На ее щеке играла ямочка. Она была словно прелестная картина Греза.

— Синдерелла,^[1] — произнесла она и весело засмеялась.

Признаться, я мало верил в то, что мне придется встретиться с Синдереллой снова.

Глава 2

Обращение за помощью

На следующий день ровно в 9.05 утра я вошел в нашу общую столовую, намереваясь позавтракать. Мой друг Пуаро, будучи, как всегда, пунктуальным, только что начал очищать скорлупу со второго яйца.

Увидев меня, он просиял.

— Вы хорошо спали? Вы пришли в себя после столь ужасной переправы? Удивительно, что вы появились почти вовремя к столу в это утро. Извините меня, но ваш галстук сбился. Разрешите мне его поправить.

Я уже описывал Эркюля Пуаро в других записках. Необыкновенный человек! Рост 5 футов 4 дюйма, голова яйцевидной формы слегка наклонена набок, глаза, загорающиеся зеленым огнем в минуты волнения или гнева, жесткие военные усы и колоссальное чувство собственного достоинства! Пуаро очень аккуратен и всегда щегольски одет. У него врожденная страсть к порядку любого рода. Если он увидит у кого-нибудь криво приколотое украшение, пылинку или беспорядок в одежде, то будет мучиться до тех пор, пока не исправит. «Порядок» и «логика» — его боги. Он питает нескрываемое презрение к таким вещественным доказательствам; как следы ног или папиросный пепел, и утверждает, что в отрыве от других улик они никогда не помогут детективу разоблачить преступника. Распутав сложное дело, Пуаро может радоваться, как ребенок, при этом любит постучать пальцем по своей яйцевидной голове и поучительно произнести: «Настоящая работа происходит там. Решают все маленькие серые клеточки, запомните это, мой друг!»

Я занял свое место за столом и в ответ на приветствие Пуаро вскользь заметил, что часовая поездка по морю от Кале до Дувра вряд ли может быть квалифицирована как «ужасная».

Пуаро замахал чайной ложкой, выразительно опровергая мое замечание.

— Несомненно! Если в течение часа человек испытывает самые ужасные ощущения и эмоции, это значит, что он прожил много часов! Весьма образно сказал один из ваших английских поэтов, что время исчисляется не часами, а ударами сердца.

— Мне кажется, что Браунинг имел в виду все-таки нечто более романтическое, чем морская болезнь.

— Это потому, что он был англичанином. О, вы — англичане! У нас все иначе.

Неожиданно он замер и драматическим жестом указал на тостер.

— Вот, например, ну уж это слишком! — воскликнул он.

— Что случилось?

— Этот ломтик. Вы заметили его или нет? — Он выхватил удививший его кусочек хлеба из тостера и протянул мне для обозрения.

— Разве он квадратный? Нет. Треугольный? Снова нет. Может быть, круглый? Нет. Имеет ли он хоть какую-нибудь форму, приятную для глаз? Где здесь симметрия? Отсутствует.

— Этот ломтик отрезан от круглой булки, Пуаро, — пояснил я спокойно.

Пуаро бросил на меня презрительный взгляд.

— Как сообразителен мой друг Гастингс! — произнес он саркастически. — Понимаете вы или нет, что я запрещаю подавать такой хлеб. Это бесформенная булка, кое-как слепленная, которую ни один пекарь не должен иметь права выпекать!

Я попытался переменить тему разговора, указав на принесенную им почту.

— Пришло ли что-нибудь интересное?

Пуаро неудовлетворенно покачал головой.

— Я еще не просматривал письма, но ничего интересного в наши дни не поступает. Великих преступников, у которых были свои методы, более не существует. Дела, которыми я занимался последнее время, сверхбанальны. Честное слово, я дошел до того, что разыскиваю потерявшихся домашних собачек для великосветских дам! Последним преступлением, которое представляло хоть какой-то интерес, было то маленькое запутанное дело с бриллиантом Ярдли. А было оно сколько месяцев назад, мой друг?

Он горестно покачал головой.

— Не унывайте, Пуаро, счастье вам улыбнется. Распечатывайте ваши письма. Кто знает, может быть, на горизонте маячит великое дело.

Пуаро улыбнулся и, взяв аккуратный ножичек для вскрытия конвертов, разрезал несколько из них, лежавших возле него на столе.

— Счет. Еще один счет. Это значит, что я становлюсь транжиром в мои преклонные годы. А это записка от Джэппа.

— Да? — Я наострил уши. Инспектор Скотланд-Ярда Джэпп неоднократно подключал нас к интересным делам.

— Он всего-навсего благодарит меня за небольшой совет по делу Абериствита, направивший его на верный путь. Я рад был ему помочь.

— А в каких выражениях он вас благодарит? — любопытствовал я, хорошо зная Джэппа.

— Он любезно пишет, что я еще парень что надо для своего возраста и что он был рад возможности подключить меня к этому делу.

Это было так типично для Джэппа, что я не удержался и улыбнулся. Пуаро продолжал спокойно читать корреспонденцию.

— Предложение прочитать лекцию нашим местным бойскаутам. Графиня Форфанок будет благодарна, если я посету ее. Без сомнения, пропала еще одна комнатная собачка! И теперь последнее письмо... Ах!

Я насторожился, услышав это восклицание. Пуаро внимательно читал. Через минуту он швырнул листок мне.

— Это выходит за рамки обычного, мой друг. Прочтите сами.

Письмо было написано на бумаге иностранного образца, твердым, характерным почерком:

Вилла «Женевьева». Мерлинвиль-сю-Мер, Франция

Уважаемый сэр!

Я нуждаюсь в услугах детектива, но по причинам, которые сообщу позднее, не хочу обращаться официально в полицию. Я слышал о Вас от разных людей, и все говорили, что Вы не только безусловно талантливый человек, но и умеете хранить секреты. Я не хочу доверять подробности дела почте, но из-за тайны, которую знаю, моя жизнь каждый день подвергается смертельной опасности. Убежден, что опасность серьезна, и поэтому умоляю не терять времени и переправиться во Францию. Я пошлю автомобиль в Кале, как только Вы протелеграфируете о прибытии. Буду крайне обязан, если Вы откажетесь от всех дел, которые сейчас ведете, и посвятите себя полностью моим интересам. Готов заплатить любую необходимую сумму за Ваши услуги. Я буду в них нуждаться в течение значительного отрезка времени, поскольку, быть может, Вам придется поехать в Сантьяго, где я жил несколько лет. Повторяю, я готов заплатить любую сумму, которую Вы назовете.

Заверяю Вас еще раз, что вопрос не терпит отлагательства.

Уважающий Вас

П. Т. Рено

Ниже подписи была поспешно нацарапана почти неразборчивая фраза: «Бога ради, приезжайте!»

Я вернул письмо Пуаро, сердце мое забились сильнее.

— Наконец-то! — воскликнул я. — Здесь есть что-то явно необыкновенное.

— Да, в самом деле, — произнес Пуаро монотонно.

— Вы, конечно, поедете, — продолжал я.

Пуаро кивнул, глубоко задумавшись. Наконец, он очнулся и взглянул на часы. Его лицо было очень серьезным.

— Заметьте, мой друг, мы не можем терять времени. Континентальный экспресс отходит от станции Виктория в 11 часов. Но не волнуйтесь. Мы еще можем уделить десять минут на совещание. Вы поедете со мной, не правда ли?

— Хотел бы...

— Вы же сами говорили, что не потребуетесь шефу еще несколько недель.

— О, в этом полный порядок. Меня расхолаживают намеки мистера Рено, что это личное дело.

— Не торопитесь с выводами. Кстати, его имя мне кажется знакомым.

— Есть известный южноамериканский миллионер. Его фамилия Рено, хотя, я думаю, что он англичанин. Я не знаю только, одно ли это лицо.

— Не исключено, что это именно он, если учесть упоминание Сантьяго. Сантьяго находится в Чили, а Чили — в Южной Америке. Ах, мы продвигаемся вперед отлично.

— Бог мой, Пуаро, — сказал я с возрастающим волнением, — здесь пахнет большими деньгами. Если нам повезет, мы сделаем себе состояние!

— Не стоит быть таким оптимистом, мой друг. Богатый человек не так легко расстаётся со своими деньгами. Я видел однажды, как известный миллионер выгнал из трамвая всех пассажиров, чтобы найти оброненные им полпенсы.

Я кивнул в знак согласия.

— Во всяком случае, — продолжал Пуаро, — здесь меня привлекают не деньги. Приятно иметь карт-бланш для ведения расследования, ну и неплохо быть уверенными, что мы не теряем времени даром. Но меня заинтересовало нечто странное в этом деле. Вы заметили постскриптум? Какое он произвел на вас впечатление?

Подумав, я ответил:

— Ясно, что он писал, пытаясь сдерживаться, но под конец не выдержал и под влиянием чувств нацарапал эти четыре отчаянных слова.

Пуаро отрицательно покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Разве вы не видите, что в то время как подпись сделана черными чернилами, постскриптум — совсем бледными?

— Ну и что? — спросил я с удивлением.

— Боже, друг мой, пошевелите немножко мозгами! Разве не очевидно? Мистер Рено написал письмо, не промокая его, и тщательно перечитал содержание. Затем не под влиянием мгновенного чувства, а намеренно добавил эти последние слова и промокнул их.

— Но зачем он их написал?

— Черт возьми! Да затем, чтобы это произвело на меня такое же впечатление, какое произвело на вас.

— Не понимаю...

— Короче говоря, чтобы заручиться моим приездом! Он перечитал письмо и остался им недоволен. Оно недостаточно сильно написано!

Пуаро помолчал и затем добавил мягко, при этом его глаза засветились зеленым светом, что всегда говорило о душевном беспокойстве.

— Итак, мой друг, поскольку постскриптум был добавлен не под влиянием мгновенного чувства, а сознательно и хладнокровно, безотлагательность этого дела совершенно очевидна и мы должны приехать к Рено как можно скорее.

— Мерлинвиль, — прошептал я задумчиво. — Мне кажется, я слышал о нем.

Пуаро кивнул.

— Это тихое местечко, но шикарное! Оно находится приблизительно на полдороги между Болоньей и Кале. Ездить туда модно. Богатые англичане, ищущие тишину, любят его. У мистера Рено есть в Англии дом, я полагаю.

— Да, в Ратланд Гейтс, насколько я помню. А также большое поместье в сельской местности, где-то в Гертфордшире. Но я, право, знаю о Рено очень мало: он почти не занимается общественными делами. Я думаю, что у него в Сити крупные капиталовложения и что он провел большую часть своей жизни в Чили и Аргентине.

— Ну, подробности мы услышим от него самого. Давайте пойдем укладываться. Захватим по небольшому чемоданчику, а затем доедем на такси до вокзала Виктория.

— А как же графиня? — спросил я с улыбкой.

— Не стоит обращать внимания! Ее дело, безусловно, неинтересно.

— Почему вы в этом так уверены?

— Потому что иначе она бы приехала сама, а не написала. Женщины не умеют ждать, запомните это, Гастингс.

В 11 часов мы отбыли со станции Виктория в Дувр. Перед отъездом Пуаро отправил телеграмму Рено, сообщив время нашего прибытия в Кале.

— Я удивлен, что вы не разорились на покупку нескольких бутылок с лекарством от морской болезни, Пуаро, — заметил я с ехидством, вспоминая наш разговор за завтраком.

Мой друг, с беспокойством следивший за погодой, посмотрел на меня укоризненно.

— Неужели вы забыли прекрасный метод, предложенный Лавержье? Его систему я всегда применяю. Надо балансировать в такт качке, если вы

помните, поворачивая голову слегка направо, вдыхая и выдыхая, при этом считая до шести между каждым вздохом.

— Х-м-м, — усмехнулся я. — Вы чересчур устанете, балансируя и считая до шести, когда доберетесь до Сантьяго.

— Что за идея! Не думаете ли вы, что я поеду в Сантьяго?

— Мистер Рено сделал такое предположение в своем письме.

— Он не знал о методах Эркюля Пуаро. Я не мечусь туда и сюда, совершая путешествия и изнуряя себя. Моя работа производится внутри — здесь, — и он выразительно постучал себя по лбу.

Как обычно, этот жест разбудил во мне спорщика.

— Все это очень хорошо, Пуаро, но мне кажется, что вы впадаете в крайность, презирая некоторые улики. Отпечаток пальца иногда приводил к аресту и опознанию убийцы.

— И, без сомнения, привел на виселицу не одного невинного человека, — заметил Пуаро сухо.

— Но изучение отпечатков пальцев, следов ног, различных видов почвы и других улик является очень важным!

— Несомненно, я никогда и не считал иначе. Наблюдательный человек, грамотный эксперт, безусловно, полезны! Но такие, как Эркюль Пуаро, выше экспертов! Эксперты собирают факты, а роль детектива — разгадать преступление методом логической дедукции, правильно восстановить цепь событий, увязав их с уликами. Но превыше всего — понять психологию преступника. Вы охотились когда-нибудь на лисицу?

— Ну, охотился в прошлом, — сказал я, несколько удивленный внезапной переменной темы. — А что?

— Сейчас поясню. Вы использовали собак при охоте на лису?

— Гончих, — уточнил я мягко. — Да, конечно.

— Но при этом, — Пуаро погрозил мне пальцем, — вы не слезали с лошади, и не бежали по следу, уткнувшись носом в землю, и не кричали «гав, гав»?

Невольно я громко рассмеялся. Пуаро закивал с видом удовлетворения.

— Вот так. Вы предоставляете черновую работу гончим. Вместе с этим требуете, чтобы я, Эркюль Пуаро,ставлял себя в смешном виде, разлегшись на траве, возможно мокрой, с целью выявления вероятных отпечатков ног. Вспомните тайну Плимутского экспресса. Добрый Джэпп отправился проверять железнодорожный путь. Когда он вернулся, я, не выходя из своей квартиры, смог точно описать то, что он нашел.

— Значит, вы считаете, что Джэпп даром потратил время.

— Нисколько, так как найденные им улики подтвердили мою версию. Но я бы потратил зря время, если б туда поехал. То же самое происходит и с экспертами. Вспомните дело Кавендишей. Во время допроса, который вел прокурор, была установлена идентичность почерков, а защита цеплялась за показания, указывающие на несовпадения. Все это делалось на строго юридической основе. А результат? Тот, который мы знали с самого начала, то есть, что сличаемый почерк был очень похож на почерк Джона Кавендиша. И перед логическим мышлением встает вопрос: «Почему?» Потому ли, что это действительно его почерк? Или кто-то хотел внушить нам это? Я ответил, мой друг, и ответил правильно.

Вот так эффектно Пуаро заставил меня замолчать, хотя и не убедил, и откинулся на спинку кресла с довольным видом.

Я хорошо знал, что на борту парохода лучше не расстраивать моего друга, и отошел. Во время поездки погода была роскошной, море гладкое, как зеркало. Поэтому я не был удивлен, услышав, что метод Лавержье еще раз оправдал свою репутацию, когда во время высадки в Кале улыбающийся Пуаро подошел ко мне. Но здесь нас ждало разочарование: автомобиль не приехал встретить нас.

Пуаро высказал предположение, что его телеграмма задержалась в пути.

— Поскольку у нас есть карт-бланш, мы найдем машину, — произнес он не унывая.

Через несколько минут мы выехали в направлении Мерлинвиля. Нас со скрипом покачивало в самой старой развалине из всех автомобилей, предлагавшихся когда-либо для найма.

Мое настроение было прекрасным.

— Какой дивный воздух! — воскликнул я. — Это путешествие обещает быть приятным.

— Для вас — да. А мне предстоит поработать. О прелестях поездки поговорим в конце нашего путешествия.

— Ба! — продолжал я жизнерадостно. — Вы все раскроете, обеспечите безопасность мистеру Рено, выследите злодеев, и все закончится в сиянии славы!

— Вы оптимистичны, мой друг.

— Да, я абсолютно уверен в успехе. Разве не вы являетесь непревзойденным Эркюлем Пуаро?

Но мой друг не попался на эту удочку. Он наблюдал за мной с серьезным видом.

— У вас настроение, которое шотландцы называют «фей», Гастингс. Оно предшествует катастрофе.

— Чепуха. Жаль, что вы не разделяете моих чувств.

— Напротив, я чувствую страх.

— Чего же вы боитесь?

— Я не знаю. Но у меня предчувствие какой-то беды. Он говорил так серьезно, что я непроизвольно поддался его настроению.

— У меня такое ощущение, — сказал он медленно, — что это будет сложное дело, длинная, темная история, которую не легко будет распутать.

Я бы продолжил расспросы, но в этот момент мы подъехали к Мерлинвилю

и притормозили, чтобы спросить у прохожего дорогу к вилле «Женевьева».

— Все прямо, месье, через город. Вилла «Женевьева» находится приблизительно в полумиле за городом. Вы ее не проедете. Большая вилла, с видом на море, — ответил он.

Мы поблагодарили и двинулись дальше, оставив городок позади. Вскоре дорожная развилка вынудила нас остановиться вторично. В нашу сторону брел крестьянин. Мы подождали его. Неподалеку около дороги стоял крошечный полуразрушенный домик. Его невозможно было принять за разыскиваемую виллу. Пока мы ждали, калитка у домика распахнулась, и из нее вышла молодая девушка.

Крестьянин поравнялся с нами и на расспросы шофера ответил:

— Вилла «Женевьева?» Всего несколько шагов по этой дороге, затем направо, месье. Вы бы ее уже увидели, если бы не поворот дороги.

Шофер кивнул, и машина двинулась дальше. Я смотрел как зачарованный на девушку, которая, положив руку на калитку, наблюдала за нами. Я поклонник красоты, и здесь была такая красавица, мимо которой никто бы не прошел равнодушно. Высокая, стройная, словно молодая богиня, с золотыми длинными волосами, блестящими на солнце. Я бы мог поклясться, что она была одной из самых красивых девушек, которых я когда-либо видел. Когда мы стали удаляться по проселочной дороге, я невольно оглянулся.

— Клянусь Юпитером, Пуаро, — воскликнул я, — вам стоит обратить внимание на эту молодую богиню!

Пуаро поднял брови.

— Начинается, — пробормотал он. — Вы уже нашли богиню!

— А разве я не прав, черт возьми?

— Возможно, но я не заметил в ней ничего божественного.

— Не может быть, чтобы вы не заметили!

— Мой друг, двое людей редко видят одно и то же. Вы, например, увидели богиню. А я... — он помедлил.

— Что?

— Я увидел только девушку с тревожными глазами, — сказал Пуаро серьезно.

В этот момент мы подъехали к большим зеленым воротам и у нас одновременно вырвалось восклицание. Возле ворот стоял дюжий полицейский. Он поднял руку, преграждая нам дорогу.

— Проезд запрещен, месье!

— Но мы бы хотели видеть месье Рено, — заявил я. — У нас назначена встреча. Ведь это его вилла?

— Да, месье, но... Пуаро наклонился вперед.

— Но что?..

— Месье Рено убит сегодня утром.

Глава 3

На вилле «Женевьева»

В одно мгновение Пуаро выскочил из машины, его глаза сверкали от возбуждения. Он схватил полицейского за плечо.

— Что вы такое говорите? Убит? Когда? Как?

Полицейский нахмурился.

— Я понимаю. — Пуаро раздумывал с минуту. — Комиссар полиции безусловно в доме?

— Да, месье.

Пуаро достал визитную карточку и нацарапал на ней несколько слов.

— Вот! Будьте так добры, позаботьтесь, чтобы это немедленно передали комиссару.

Полицейский взял карточку, внимательно рассмотрел, затем нажал на воротах кнопку звонка. Через несколько секунд появился второй полицейский, которому он передал просьбу Пуаро. Прошло еще некоторое время, прежде чем показался низенький толстячок с огромными усами. Он поспешно семенил к воротам. Полицейский отсалютовал ему и отступил в сторону.

— Мой дорогой месье Пуаро, — вскричал пришедший, — я рад вас видеть! Ваш приезд — просто удача!

Лицо Пуаро просветлело.

— Месье Бекс! Вот это действительно радость. — Он повернулся ко мне. — А это мой английский друг капитан Гастингс — месье Люсьен

Бекс.

Комиссар и я церемонно раскланялись, затем Бекс вновь повернулся к Пуаро.

— Боже мой, я не виделся с ним с той истории в Остенде. Я слышал, что вы расстались с полицией?

— Да. У меня теперь частная контора в Лондоне.

— И вы говорите, что можете предоставить информацию, которая, возможно, нам поможет?

— Не исключено. Вы знаете, что меня сюда вызвали?

— Нет. Кто же вас вызвал?

— Покойник. Похоже, что он знал о готовившемся покушении на его жизнь. К сожалению, он обратился ко мне слишком поздно.

— Черт побери! — воскликнул француз. — Выходит, что он предвидел свое собственное убийство? Это значительно меняет наши предположения! Но давайте зайдем в дом.

Он распахнул калитку, и мы двинулись по направлению к дому. Бекс продолжал говорить:

— Наш следователь месье Оте должен немедленно все это зафиксировать. Он только что закончил осмотр места преступления и готовится к опросу свидетелей. Милейший человек. Он вам понравится. Очень доброжелательный. Оригинален в своих методах и суждениях.

— Когда было совершено преступление?

— Тело обнаружили сегодня утром около 9 часов. Показания мадам Рено и заключение докторов указывают, что смерть, очевидно, наступила около 2 часов ночи. Входите, прошу вас.

Мы подошли к парадному входу на виллу. В холле сидел еще один полицейский. Он поднялся, увидев комиссара.

— Где сейчас месье Оте? — спросил комиссар.

— В гостиной, месье.

Комиссар Бекс открыл дверь, находившуюся в холле слева, и мы прошли в гостиную. Оте и его секретарь сидели у большого круглого стола. Они оторвались от бумаг, когда мы вошли. Комиссар представил нас и объяснил причину нашего появления. Следователь Оте был высоким худощавым мужчиной с пронизательными темными глазами и аккуратно подстриженной седой бородой, которую он по привычке гладил, когда говорил. У камина стоял пожилой человек, слегка сутулый, которого представили нам как доктора Дюрана.

— Очень странно, — заметил Оте, когда комиссар закончил свой рассказ. — У вас письмо с собой, месье?

Пуаро протянул письмо, и следователь прочел его.

— М-да. Он говорит о тайне. Какая жалость, что он не написал подробнее. Мы вам очень обязаны, месье Пуаро. Я надеюсь, что вы удостоите нас своей помощью в расследовании этого дела. Или вы намерены вернуться в Лондон?

— Господин следователь, я предпочитаю остаться. Я не сумел прибыть вовремя, чтобы предотвратить смерть моего клиента, но я считаю своим долгом отыскать убийцу.

Следователь поклонился.

— Ваши чувства делают вам честь. К тому же, безусловно, мадам Рено захочет воспользоваться вашими услугами. Мы ожидаем с минуты на минуту месье Жиро из полицейского управления в Париже, и я уверен, что вы поможете друг другу в расследовании. А пока, я надеюсь, вы не откажетесь присутствовать при опросе свидетелей? Едва ли мне надо говорить, что, если вам потребуется хоть какая-нибудь помощь, она будет предоставлена немедленно.

— Благодарю вас, месье. Вы понимаете, что в данный момент я нахожусь в абсолютном неведении. Я не знаю ровным счетом ничего.

Оте кивнул комиссару, и тот рассказал:

— Сегодня утром старая служанка Франсуаза, спустившись вниз, чтобы начать уборку, увидела входную дверь открытой настежь. Испугавшись, что в доме могли побывать грабители, она заглянула в гостиную. Но, увидев, что серебро на месте, успокоилась и больше об этом не думала, решив, что, очевидно, ее хозяин поднялся рано и вышел прогуляться.

— Извините, месье, что я вас прерываю, но была ли у него такая привычка?

— Нет, не было, но у старухи Франсуазы укоренилось общеизвестное представление об англичанах: они все сумасшедшие и в любой момент могут совершать самые непонятные поступки! Когда горничная вошла к мадам Рено, чтобы, как всегда, разбудить ее, то, к своему ужасу, увидела ее связанной, с заткнутым ртом. В это же время было обнаружено уже остывшее тело месье Рено — он был убит ударом ножа в спину.

— Где?

— Вот это-то и есть одна из наиболее удивительных особенностей происшествия, месье Пуаро. Он лежал лицом вниз в свежевырытой яме.

— Что?

— Да. Яма была свежевырытой — всего в нескольких ярдах от границы участка виллы.

— И сколько времени он был мертв?

На этот вопрос ответил доктор Дюран.

— Я осмотрел тело сегодня в 10 часов утра. Смерть, должно быть, наступила по крайней мере за 7 или, возможно, за 10 часов до этого.

— М-да, отсюда вытекает, что убийство совершено между полночью и тремя часами утра.

— Совершенно верно. Показания мадам Рено также подтверждают, что убийство произошло после 2 часов ночи. Смерть, видимо, была мгновенной и, естественно, насильственной, ибо такой удар нельзя нанести себе

самому.

Пуаро кивнул, и комиссар продолжал:

— Перепуганные слуги поспешно освободили мадам Рено от веревок, которыми она была связана. Она ужасно слаба, почти без сознания от страха и боли, причиняемой путами. Мадам Рено показала, что двое мужчин в масках вошли ночью в спальню, заткнули рот, связали ее и насильно увели мужа. Слуги в это время спали. Когда трагическая весть стала известна мадам Рено, она тут же впала в тяжелое нервное состояние. Доктор Дюран немедленно прописал ей снотворное, и мы до сих пор не могли ее подробно допросить. Но, безусловно, она проснется более спокойной и сможет перенести напряжение, связанное с дознанием.

Комиссар помедлил.

— А кто еще проживает в доме, месье?

— Старая служанка Франсуаза, которая жила много лет у предыдущих владельцев виллы «Женевьева», затем две молодые горничные — сестры Дениза и Леони Олард. Они родом из Мерлинвиля, из вполне приличной семьи. Еще есть шофер, которого месье Рено привез с собой из Англии, но он сейчас в отпуске. И, наконец, мадам Рено и ее сын Жак Рено. Он сейчас тоже в отъезде.

Пуаро наклонил голову. Следователь Оте позвал:

— Маршан!

Появился полицейский.

— Приведите эту женщину, Франсуазу.

Полицейский козырнул и исчез. Через пару минут он вернулся, сопровождая испуганную Франсуазу.

— Вас зовут Франсуаза Арише?

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)